

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ксения Черникова

Хляпа

Ксения Черникова

Хляпа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032599

SelfPub; 2020

Аннотация

Есть Она и Он. Есть время и пространство. Есть правила приличий и эмоции, которые в них не вписать. Есть главное, которое теряет смысл, и случайное, которое вдруг становится главным. Есть то, что невозможно понять и объяснить даже самому себе. Содержит нецензурную брань.

Майка

Копить она обожала. Нет, не деньги, хотя и деньги тоже откладывала легко, как будто даже ни в чем себя не ограничивая. Просто складывала сначала купюру к купюре, а потом, когда уже на картах все стало, циферку к циферке, и они множились и росли постепенно, как будто сами по себе. Но даже больше этого любила собирать, можно так сказать, коллекции всех видов и мастей. Всякие акции и тому подобная дребедень, где нужно набрать определенное количество фишек, печатей, марочек, еще чего-нибудь, чтобы получить за полцены очередной никому не нужный ножик или сковородку – вот никогда не могла пройти мимо. И копились эти бессчетные бумажки на полке в коридоре, и выбрасывались потом приехавшей в гости мамой, без разбора.

Точно также с удовольствием собирала Майка когда-то в зачетке оценки и автографы преподавателей в каждую сессию. Или еще до этого, в школе, когда давали им учить стихи, и надо было на отдельном листе в столбик писать названия этих стихов – а когда сдавали наизусть учительнице, она напротив каждого расписывалась. А потом, когда родила уже дочь, обнаружила новый виток своей страсти – в месяц, в три, полгода и когда там еще, когда младенцам надо проходить бесконечных врачей и сдавать анализы, она делала это с дочерью почти с удовольствием, потому что так же на бумажке писала список и могла проставить потом свои заветные галочки. Ну а что такого, у каждого свои, скажем так,

прибабахи. Тем более что ее этот как раз понятно, от кого достался – от деда. Тот тоже был вдохновенным и очевидным собирателем.

Дед, правда, еще и под ногами всегда что-то находил. То часы с улицы притащит, то цепочку серебряную. Этот его искательный талант перешел уже не к Майке, а к ее дочери – правнучке, выходит. Та еще в яслях таскала с прогулок монетки в карманах, и по вечерам, когда приходила за ней мать, с гордостью свое богатство перед ней вываливала: «а угадай, что у меня есть?» А может, и не было тут никакого секрета и таланта, просто и дед, и маленькая Нютка до жути любопытны были ко всяким незаметным вроде штучкам, и под ноги всегда поглядывали с удовольствием. Хотя вот взять того же Нюткиного папашку – такой же ведь любитель замечать всякие мелочи и нестандартности, но от этого и знатный ловец ворон, вечно в своем мире и тоже взгляд в пол – и при этом ни одной монетки никогда не находил. А Нютка вроде и под ноги не смотрит – а находит. Жалко, дед умер, когда ей год всего был, вот кто точно б оценил.

Но вообще-то копил он, конечно же, больше деньги. Причем как ему это удавалось при обычной российской пенсии, да причем удавалось так, что бабушка ни о чем даже не догадывалась – вот уж загадка так загадка. И тем не менее сначала внучке Майке на двадцать пять лет вручил торжественно сберкнижку, на которой лежали двадцать пять тысяч рублей (и очень кстати эти деньги оказались, выручали много раз,

и в том числе во время и первого, и второго большого переезда, и в благодарность деду Майка всегда потом держала неприкосновенный запас именно в такой цифре), а потом и дочери своей, Майкиной матери, на ее полтинник – такую же вручил сберкнижку, на которой было пятьдесят тысяч. Бабушка только охала с плохо скрываемой гордостью.

А у мамы ведь, кажется, до сих пор хранится крупная купюра, в числе прочих оставшаяся после деда, на которой его рукой надписана дата, когда он эту пятерку получил из рук почтальонной тетки, которая пенсию разносила, а ниже – размашистая его шикарная роспись, такая подлинная и уверенная, что даже не верится, что деда не стало всего месяца через два после. А может, и слава богу, что не верится.

И хранит мама эту пятерку в коробке из-под духов вместе со своими картами банковскими, и с паролями от них и от всяких личных кабинетов, и прячет в шкафу в некую сокровенную щель, о которой все в доме знают. И именно за этими паролями, когда не было мамы дома, и полезла в родительский шкаф уже давным-давно взрослая Майка. Ей как обычно что-то там надо было срочно, а мама тоже как обычно штурмовала в компании Нютки очередной магазин, вот и сказала по телефону – ну сама там пошарься, знаешь же примерно, где, найдешь. А потрясающе неуклюжая Майка, конечно, так пошарилась, что вывалила на себя чуть не половину шкафа. И вот тогда-то с самой верхней полки и спланировала она, пыльная, слегка примятая, но совершенно пре-

красная и не прожженная даже еще ничуть – шляпа. Аааа-ах, – медленно вдохнула, забыла выдохнуть Майка и осела на кровать. И секунд через двадцать все-таки на выходе так, как маленькая Нютка, прошептала: хляяяяпа...

Привоз

Черт знает какой год, Одесса. Двадцатилетняя Майка с подружкой, опасливо оглядываясь, идут по знаменитому полуденному Привозу. Сумочки обе на всякий случай держат впереди себя, за застешки, еще и руками к телу прижимают. Чего приперлись на шумный одесский рынок из анекдотов – ни одна, ни другая не знают. Интересно ж. И страшно, само собой. Так что девки то вздрагивают от каждого шороха, то ржут дружно над вывесками «шкарпетки чоловічьи» и «играшки для немовлят». И какая-то колоритная бабка им попадается, которая говорит скрипуче так: «Девочки, да шо вы тут ещехочетев обед найти?» И тут же продавщице – «Дайте треску!» А та совсем юная, зеленая девочка, вдруг смущается и напряженно так: «Треска – это... рыба?» А бабка, как будто ждала: «Нет, едить твою ж мать, курица!» И снова они хохочут-заливаются. Молодость – она же такая, смешливая почти до неприличия.

Но тут Майка как-то по наитию поднимает голову и замирает. Перед ней шляпа нечеловеческой красоты. На самом-то деле просто себе шляпа с очень широкими полями, но Майке она почему-то кажется нереальной. И вцепляется

чуть ли не мертвой хваткой, и платит сколько-то там гривен (на самом деле, конечно, несуразно много – на Привозе с первого взгляда определяют, с кого можно драть), и, уже не боясь за свою сумку, натягивает на голову. И до конца поездки практически не снимает, разве что на ночь, как будто за шляпой и ехала в далекую искрящуюся Одессу.

А потом дома она долго будет уговаривать саму себя на работу в первый день пойти без шляпы. В принципе, в театральной среде этот широкополый жест никто бы и не заметил. Вот только на улице с утра моросит мелкий дождь, так что эта прекрасная хляпа, которая именно так станет обзываться еще лет эдак через семь, ну никак не по погоде.

Ташкент

– Мне нравится, как ты пахнешь.

– И мне.

– Нравится, как ты пахнешь?

– Да как ты, балда.

Майка обожает эти их разговоры, эти ленивые перебра- сывания полужабочками. И он тоже, но старается виду не подавать. Или вот:

– А где мое платье?

– Рядом с моим абажуром, – а его абажур – это накинута- я на лампу рубашка, чтоб слишком уж не светила. Или еще, совсем уж бытовое, над тарелкой с пельменями:

– Масло или сметана?

– Сметана. А розетка есть?

– Да вон, за твоей спиной.

– Другая розетка, дурында. Хотя эта тоже не помешает, зарядник тащи.

И они даже не смеются в такие моменты, а лыбятся как-то дико, как два идиота. А потому что невозможно, даже когда поняли друг друга не сразу, спрятать это ощущение единости, схожести, совпадения. И даже потом, когда расстаются, первые дни периодически бессмысленно улыбаются в пространство – именно этому вот ощущению совпавшего пазла.

А как они познакомились – рассказать?

Точнее будет – как впервые потрахались. Как бы грубо не звучало, но так ведь оно и вышло. Тот самый опять-таки одесско-анекдотический случай, когда спрашивать – «а как вас зовут?» – приходится одновременно с натягиванием штанов. Только в нашем случае – с нахлобучиванием «хляпы».

А дело было так.

Майка тогда еще работала завлитом в театре, и полетела на целый месяц в первую свою командировку. В Ташкент. В июле. И плюс сорок пять. И в своей уже знаменитой шляпе, само собой.

Для полноты картины надо бы уточнить еще остальные обстоятельства того жизненного периода. Маленькой Нютке было, кажется, пять, она осталась с бабушкой. Муж, Нюткин отец, на тот момент был уже отправлен в отставку, оплакан и почти забыт. Появлялся, конечно, иногда на горизонте, вро-

де как с дочерью поводиться, но по щенячьему и тоскливому выражению глаз Майка всегда безошибочно определяла, что приходит он в надежде хоть на какую-нибудь реанимацию отношений. А так как было это совершенно невозможно, а чувство вины перед дочерью все не кончалось, то Майка всегда торопливо отводила глаза и убегала из дома. Правда, не к богатым любовникам, в чем всегда была убеждена бывшая свекровь, а куда угодно, лишь бы подальше от этого взгляда. Другого мужчины у нее до Владека-то и не было.

Так вот, Ташкент. Карнавально яркий, праздничный, но при этом пропитанный неправдоподобным, злым, отовсюду сочащимся зноем. И даже когда солнце садилось – в помещениях не становилось прохладнее плюс тридцати – и это еще в удачные дни. Вся труппа маялась и не спала ночами. А через неделю народ начал дружно сморкаться и хрипло, повороньи, кашлять, потому что во всем городе вдруг отключили горячую воду. Отказаться от душа люди не могли, лезли под ледяной и мгновенно простужались, чем очень расстраивали и без того вечно грустного режиссера Алешу. Тот считал, что лечиться летом можно только ударной дозой витаминов, а «Ташкент – это ж кладезь! Причем бесплатно!» В итоге Алеша вечно таскал в карманах кульки с местным тутовником, который набирал прямо на улице по дороге в театр, и заставлял его жевать всех, кто оказывался рядом. Гримерша Ритка выла – рты у артистов в секунду становились ядовито-чернильными, и отмыть было невозможно, только

шпатлевать тоналкой так плотно, как будто стенку белишь.

А, ну еще абрикосы. Тоже ведь «витамин на витамине!» Их заботливый режиссер собирал все так же, по дороге в театр, просто подставляя пакет. Сочные, перезревшие плоды поминутно падали с веток и если не случилось рядом ловкого Алеши («Какой ты маневренный, Алексей Александрович» – то ли уважительно, то ли иронично от монументальной Осиповой, которая играла всяких старых перечниц), так вот, без участия Алеши эти абрикосы хлопались под ноги прямо в подплавленный асфальт. И к вечеру каждого такого дня асфальт этот превращался в пахучую липкую пастилу, которая за ночь немного остывала, а с утра все начиналось сначала.

И в таких мучительных условиях, когда и жить-то почти не хочется, надо было работать! И они работали – а что делать? Майка почему-то хорошо тогда загорела, хотя обычно уже в начале лета сгорала сразу, и больше на солнце не совалась. А тут – на тебе ровный загарчик, и даже похудевшая за три недели фигурка – а потому что кому захочется жрать в такую жару? И робкие поползновения одного из актеров второго состава завести интрижку, на которые она уже собиралась откликнуться, чем и снять свой не особо обременительный, но какой-то уже неприличный даже через три года после развода обед безбрачия. И вдруг этот телефонный звонок.

Звонила заплаканная мать. Майка не сразу смогла выжать

из нее суть, и сама поэтому перепугалась просто жуть как. Оказалось, Нютка упала на даче с какого-то дерева, на которое черт знает как умудрилась забраться. Звезданулась своей беспокойной башкой, да еще и руку, кажется, сломала, но как-то странно, что врачи никак не разберутся, то ли есть этот злосчастный перелом, то ли нет. В общем и целом – Майке срочно нужно домой.

Она предупредила Алешу и директора труппы, хаотично собралась. И уже через час была в аэропорту, где мгновенно выяснила, что никаких свободных билетов в ближайшую неделю не предвидится. Взыла, пошла к директору. И как-то так умудрилась объяснить и выплакать, да видимо, и звезды в тот момент сошлись, и улетал этот единственный в своем роде почти незаконный борт, что тут же ее и посадили – именно в грузовой отсек какого-то военного АНа, что ли, она там уже ничего не соображала. Середина отсека была сплошняком заставлена ящиками и мешками, судя по густому запаху, все с теми же проклятыми абрикосами, и только вдоль стен остались свободны жесткие лавки. Это потом уже, спустя месяцы, когда она прокручивала все это в голове, дошло, что лавки те – для парашютистов, которых не было. И они сами стали–парашютистами без парашютов...

Майка села, отвернулась к окну. Слезы уже не текли, видимо, кончились, хотя внутри, конечно, все трещало от переживаний. И ухом даже не повела, когда посадили второго пассажира – какого-то мужика. Вдруг вспомнила, что со

шляпой недоразумение – когда бежала к зданию аэропорта, та слетела с головы и спланировала прямо в озеро мерзкой фруктово-асфальтовой пастилы. И как теперь отодрать этот гудрон – совершенно непонятно.

Пока рассматривала и поковыривала поврежденную шляпу, самолет запустил двигатели. Быстро разогнался на полосе – и рывками пошел вверх. От первого же ее подбросило и крупным броском отправило точнехонько на колени к постороннему мужику. А тот вроде и не удивился даже, легко ее ссадил и что-то попытался прокричать, но слова слилось с ревом двигателей. Тогда он придвинулся прямо к ее голове, практически влез губами в ее ухо и проорал: «Часто летаю! Всегда так! Не волнуйтесь!» А я и не волнуюсь, – ответила она тихо, и он почему-то прекрасно ее услышал.

Минут через десять в грузовом отсеке стало холодать. Сначала было даже в кайф – это понятно, после 40-то градусной жары. Но еще минут через двадцать – у нее уже зуб на зуб не попадал. Мужик этот опытный, которого она так и не разглядела, достал фляжку, хлебнул сам, протянул ей. Она с ужасом глотнула тоже – что-то запредельно крепкое, даже понять не успела. А он уже тянул с себя пиджак, чтобы ее укутать. Ишь какой заботливый, – успела подумать. А дальше было как со шляпой – она подняла на него глаза, и вдруг замерла на вдохе.

Нет, он не был ослепительно красив, или, например, по-аполлоновски совершенен в фигуре. Просто мужик средних

лет, лысоватый, с крупными чертами лица, поджарый такой, наверное, интересный. Но всего этого она не отразила. А отразила только его глаза, в которые нырнула против своей воли, как будто кто толкнул. И он стоял перед ней с пиджаком на вытянутой руке, дурак дураком, и она перед ним с этой дурацкой тоже тяжелой фляжкой, и смотрели, смотрели, смотрели... А потом самолет тряхнуло в очередной раз, бросило их друг к другу, и дальше она запомнила только дикое и такое неуместное по всем внешним параметрам ощущение наплывающего счастья под ровный гул двигателей. Ну еще, пожалуй, то, что холодно больше не было.

А вот про Нютку она за эти часа два полета и не вспомнила.

Пересадочный узел

– Не знаю, почему, он у меня всегда из виду теряется.

– Да не пегеживай, его легко в толпе найти. Он же в оГанжевойхеГне.

Майка обожает подслушивать эти случайные разговоры. В метро, на улице, в переходе каком-нибудь. А особенно урожайное место – вот этот транспортный узел рядом с домом, который она проходит насквозь каждое утро. Рядом студенческая общага, и снует толпа вчерашних подростков, за которыми она уже давно порывается начать записывать.

– Ты сегодня на учебу?

– Не, на работу. Прикинь, там к восьми, а я сегодня в 8:20

только глаза продрал.

– Фига даешь. И что теперь тебе сделают? Уволят?

– Да не.

– Из зарплаты вычтут?

– Да вряд ли...

– А что тогда?

– Да просто спросят – а ты не охуел?

И Майка идет за этими двумя, и давится беззвучным смехом. Она не так давно вместе с Нюткой живет в Москве, но уже любит этот дикий город, и потихоньку привыкает к этой легкости, к налету почти одесского юмора, который здесь можно услышать в любой очереди. И также, как в Одессе, никто этого не замечает.

Сегодня она в «хляпе». В тот раз, когда сел их самолет, выскочила так быстро, на ходу закалывая волосы и думая уже только о Нютке, что про шляпу просто забыла. Но он заметил, тоже выскочил следом, догнал. И она вынуждена была остановиться, обернуться и оглядеть его уже на земле. Владислав, – сказал он, протягивая шляпу, – а вы? А какая разница, – выдохнула, – прощай, Владек. Почему Владек? Откуда это нелепая и польская что ли интонация выскочила, из каких глубин сознания? Может, предчувствовала каким-то образом, что будут в ее жизни лет через ...дцать сплошняком эти Вацлавы, Тадеуши, Войцехи? И развернулась, и почти побежала. Только в висках стучало это непонятное: Владек! Владек!

Так вот, после той поездки в Ташкент, когда были позади все медицинские манипуляции и опасности, выпавшие на ее и Нюткину долю (и о чем Нютка, слава богу, потом благополучно забыла), и попала она наконец-то домой, то первым делом забросила шляпу на тот самый мамин шкаф, откуда три недели раньше и стащила. Только теперь шляпа была липкая и местами заасфальтированная, но чистить ее Майка не стала, и маме не позволила. Вот и выбросить рука не поднялась, и видеть – невозможно, как будто несчастная вещь – свидетель то ли ее позора, то ли, наоборот, чего-то такого нереального, чему и описания нет. Но когда переезжали с Нюткой в Москву, оставить шляпу она не смогла. И здесь уже – отнесла в махонькую химчистку в соседнем доме, и вымочили шляпу в какой-то вонючей фигне, и отчистили. Она полюбовалась – и снова спрятала. И не достала бы, если б не жажнула сегодня эта адская и почти ташкентская жара с бьющими прямо в макушку солнечными лучами. Для такой погоды одесская шляпа – спасение. И стоило нацепить ее на голову, как застучало, как и тогда: Владек, Владек! И следом уже свое собственное, тысячу раз у самой себя спрошенное: твою мать, да что это было-то?!

И первая половина рабочего дня – а трудилась она тогда уже не в театре, но недалеко пока ушла от завлита – разбирала в одной газетенке бесконечные читательские письма – прошел под тенью этого воспоминания. А в обед вышла на полуденный зной за едой, и опять припомнила проклятый

Ташкент. Есть не хотелось, она купила бутылку воды и стала бесцельно бродить по улочкам-переулочкам, которых целая туча примыкала к их офису почти в центре Москвы. В какой-то момент нашла скамеечку в глубокой тени и с удовольствием присела. Воткнула «уши» и в предвкушении нажала кнопку. А вот глаза закрыть не успела. Потому что сквозь эти соломенные поля, отгораживающие ее от всего мира, проступила тень человека, который умудрился как-то незаметно подкрасться и теперь стоял в двух шагах. И не уходил, хотя она сделала вид, что ничего не замечает. Повидавшая на своей должности за последние пару месяцев уйму психов самого разного калибра, она мысленно выругалась и приготовилась к обороне. Повернулась, приподняла поля шляпы. Вдохнула судорожно: Вла... А дальше не получилось. А он все смотрел, смотрел – и ее медленно и неудержимо втягивало в эти самые обыкновенные, но почему-то такие родные глаза постороннего мужика.

Это потом он расскажет, как искал ее после того полета, как пытался узнать даже и через ташкентский аэропорт, кого они посадили на этот полулегальный военный борт. И конечно, в силу и отсутствия документов, и того, что палиться никто не хотел (как это вообще возможно – посторонние в самолете, который и так летел еле-еле – перегруженный абрикосами!) – ничего не узнал. Так она и осталась для него девушкой под кодом «шляпа, Ташкент». До того самого дня, когда полетел в командировку в Москву на пару дней, и в

перерыве на конференции по какому-то сиюминутному желанию пошел не обедать в прохладном ресторане – а просто на улицу, побродить, несмотря на нечеловеческую жару, и на какой-то совершенно невыразительной лавочке не обнаружил шляпу. Ту самую или так похожую. И эта мысль – а вдруг та самая – и заставила его застыть над девушкой, не в силах сказать хоть слово. Пока уже сама она, вздохнув и явно приняв его за психа – не выглянула из-под своих огромных полей.

А дальше – оба они просто не вернулись с обеденного перерыва – и даже не могли вспомнить потом, что наврали в телефонные трубки. А потому что в правду никто, конечно же, ни в жизнь бы не поверил.

Черные дыры

И разматывалось дальше это невыносимое душное лето, и тянуло за собой, тащило, заставляло плыть в этой невозможной, не отпускающей сознание связи. Ощущение было, как будто их и правда связали, спутали, скрутили, так что невозможно отвернуться, невозможно глаз отвести, рук отнять. И даже когда он уехал через пару дней – она все равно как будто чувствовала его рядом, и неделя или две ушло, чтобы перестать вспоминать каждую минуту. А как только перестала – он возник снова. Как-то умудрился так организовать свою жизнь, что в командировки в это лето стал мотаться чуть ли не каждую неделю. И самое-то интересное, что оба не зада-

вали вопросов. Как будто настолько хватало этой связи, что совершенно неважно было, какая жизнь существует у каждого за пределами друг друга. А может, и важно – но оба почему-то об этом упрямо молчали.

Это был период ее постепенного карьерного взлета. Нет, в газетенке своей она осталась, а вот должностью потихоньку росла. Сама, правда, тексты еще не создавала, но чужие перелопачивала. Редактировала, сортировала, чистила – называла себя «клининг-службой для графоманов». И уже по одной только реакции автора на эту фразочку можно было понять, кто перед тобой – приличный журналист с чувством юмора или тот самый, продуктивно-писучий, на букву Г. Особые перлы она тут же набивала ему сообщениями и посылала без всяких своих комментариев. И он отвечал всегда одним словом: «смешно».

– В первых трех созывах он прошел путь от рядового члена до председателя.

– Закупили аккумуляторы для инвалидов-колясочников.

– В период длительного и частого отсутствия хозяев собаки активно выражают свою печаль по этому поводу соответствующим лаем и воем в любое время суток.

Или вот это, совсем уж шедевральное, любовно выведенное чьей-то рукой (ну мы-то знаем, чьей – трогательная и очень исполнительная Евочка двадцати с небольшим лет, помощник юриста в одной конторе, которая ничего смешного не увидела бы в надписи при всем желании), так вот, пла-

катик этот над столом с раздаточным материалом, извещавший: «Возьми меня, и я расскажу о твоих правах». И впервые на это ее сообщение он ответил ей что-то новое: «очень смешно».

И в тот же вечер они случайно прожгли несчастную шляпу. Она так и таскала ее на себе все лето и даже часть осени, пока стояла эта аномальная обморочная жара. И слава богу, что Нютку удалось до самого учебного года отправить к бабушке, и она не застала этот матерый, как говорила потом сама Майка, «неадекват». Черт его знает, что там совпало в мире химии и физики, но стоило Владеку подойти на расстояние метра или двух, и как в первый раз тогда в самолете – она забывала обо всем, отключалась. Приходила в себя через час или два в новом месте, не помня, как туда добралась и где вообще это «туда». Помутнение какое-то. Чувствовал ли он все это так же – кто знает. Но вел себя совершенно, как и она, по-дурацки.

Так что там вышло со шляпой. Он же курильщик, и всегда им был. А она, не переносившая с самой беременности Нюткой даже намека на запах сигарет, всегда отгоняла его от себя в такие минуты, а потом заставляла запивать-зажевывать эту горечь. Его забавляло, как она морщится, уворачивается, суетится. И он пугал ее, нарочно подходил ближе, посмеивался. И вот как-то, идя по улице, повел он в ее сторону зажженной сигаретой, а она машинально отмахнулась от него шляпой, которую несла в руке. А потом отмахнулась

еще раз. Ну то есть совсем ничего особенного, повседневный эпизод. Он засмеялся, щелчком избавился от окурка, сгреб ее на себя, закурил. И она засмеялась, забила в его руках. И дыры эти черные на шляпе обнаружила только после его отъезда через день. Загрустила, сфотографировала, отправила ему. «Я куплю тебе новую», – ответил тут же. А еще через полчаса позвонила его жена.

И за пару минут ее буквально вымотал, выжал этот невозможный разговор. Разумеется, она догадывалась, что есть у него семья, так же, как есть у нее Нюта, о чем они никогда, как будто обет заключили, не говорят. Но то, что семья это сейчас, скажем так, актуальная, действующая, причем действующая настолько, что жена беременна... Нет, этого вынести было нельзя.

«Гарсон, пистолет и два патрона. Мы с другом уходим с этой блядской вечеринки», – откуда это? Да какая теперь разница.

И ближайших суток ей хватило, чтобы переверстать жизнь. Потому что если он найдет, если снова подойдет близко, то все начнется сначала, она не сможет просто сказать: нет. Значит, надо, чтобы он не мог подойти, чтобы просто не знал, где ее искать. Так она все и устроила. Удивительно только, что самым сложным во всей цепочке изменений оказалось сменить номер телефона. И не потому, что год еще после этого кто-то периодически не мог ее найти. А потому что – он больше не позвонит.

А прожженную свою в двух местах шляпу скомкала, как смогла, и зашвырнула уже не на, а за шкаф. И даже не напи-лась вечером, хотя так хотелось. Зато напился он, за двоих, когда обнаружил, что ее нет в его жизни, как будто никогда и не было.

Латанная-перелатанная...

Нютка ввалилась к ней в комнату прямо посреди ночи: «Мама! Меня взяли!» А Майка, не силах после таблетки снотворного сразу разлепить глаза и что-то сообразить, только замотала головой: «Куда взяли, что случилось? Да выключи, ради бога, верхний свет!»

Дочь подскочила, щелкнула выключателем, снова присела к ней на кровать. «Да в труппу же, мама! Мы поэтому и гуляли полночи! Я буду играть! А если язык подтяну, если акцент уйдет, то и в классике можно! Ты представляешь! Сам главный! Что у меня талант! И пластика офигенная! И еще что-то, я же половины не понимаю, что он бормочет, ну ты же знаешь, мам! Теперь курсы, конечно, и репетитора по акценту, видимо, черт знает! Боже, я так нервничала. А еще они сказали, что надо быть Анной, это интереснее, на какую-то Нюту зритель не пойдет. А мне кажется, как раз пойдет, Анна – это везде, а Нютка – это же только я! Кстати, надо еще найти шляпу, ну та, помнишь, у тебя была, с полями такими огромными», – весело тарыхтела.

Майка наконец-то приподнялась на локте, нашарила ста-

кан воды. Глотнула – и стало вроде полегче. Вгляделась в дочь – такую взрослую, новую, незнакомую. Такую красивую и уже как будто немного иностранную. Рассмотрела вдруг ее то ли очень стильный, то ли нелепый наряд – ярко-красный брючный костюм с какими-то нашивками и висюльками. Рассмотрела знакомые с детства пшеничные кудряшки, которые она стала заливать здесь специальным гелем, создавая «эффект мокрых волос», и жутко этим гордясь. В лунном свете от окна даже ее такие родные глаза смотрелись по-новому, необычно яркими и светящимися. Так, стоп! В лунном ли свете?

Майка подскочила, сама включила свет, села напротив дочери:

– А пили что?

– Да все подряд, это же театральная тусовка! Но я прям по чуть-чуть, так, чтоб не обидеть, смотри, даже по прямой пройду!

И вскочила, и правда прошла.

– Да сядь ты ради бога! И посмотри на меня! Кроме алкоголя что-то было?

И Нютка, сразу как будто и успокоившись:

– Мама, блин! Я ей об искусстве, о своем прорыве! Да ну тебя!

И встала, оскорбленная. Майка улыбнулась:

– Да ладно, брось. Садись, рассказывай по порядку. Влетела как фурия в третьем часу ночи – взяли ее! Глазами свер-

кает, молотит все подряд! Что мать должна подумать? Давай-давай, чеши про свой театр, только прям пять минут, мне в шесть утра за бабушкой в аэропорт. И выключи, твою мать, это долбаный верхний свет!

И проговорили два часа, и уснули на Майкиной кровати, обнявшись – Нютка как была – в своем жутком костюме. А утром также вместе проспали, спохватились, ломанулись – такси, аэропорт, бабушка! Короче, денек получился безумный, как обе они любят.

Про шляпу вспомнили только после выходных, когда уже показали бабушке город, и замок с этим древним мифическим драконом, и по старому еврейскому кварталу поводили. Вечером в воскресенье Нютке позвонили из театра – предупредить о репетиции, и тут она и вспомнила, что обещала реквизитору Джекашу поискать дома «эту еврейскую шляпу, купленную мамой в Одессе черт знает сколько лет назад». У того в другом театре тоже реквизитором работал брат, Матуш, который с лета искал по всем барахолкам как раз что-то такое, «легкое, с историей, за чем девушка может спрятаться от зрителя». Причем, для какого именно это спектакля, откровенно скрывал.

Шляпу нашли, хотя специально ее из Москвы, вроде как, никто и не забирал. Ужаснулись черным прожженным дырам (Майка сказала, что не помнит, откуда они) и легли спать. А когда проснулись с Нюткой утром – ахнули. Бабушка ночью из кусков какой-то случайной мешковины соорудила на

шляпе великолепные цветы, которые изнутри заканчивались крупными заплатками – конечно, аккуратно на месте повреждений. В общем, шляпа выглядела стильной и посвежевшей, как будто была создана только что, а не провалялась лет тридцать с небольшими промежутками по антресолям.

И Майка вдруг не захотела ее отдавать, как будто старую подружку обрела и не могла теперь расстаться. Нютка бесилась, уговаривала. В конце концов сошлись на том, что даст на время, пока спектакль идет, и чтоб смотрели там! Не прожгли не помяли! И вообще, я еще сама в ней похожу! И, как тогда в Одессе, нахлобучила непреклонно на голову, и сказала, что все, не снимет! Ага, давай, таскайся с это соломенной вуалью на башке, только в нашем тумане не потеряйся! Маме с Нюткой осталось только плечами пожать – да боже мой, развлекайся! Чуди!

А когда повели бабушку на завтрак (очень хотелось поделиться именно вот этим – своей принадлежностью к местным обычаям, к Европе, хотя кто сказал, что местные завтракают по кафе? Да и мама, как потом выяснилось, предпочла бы бутерброд с сыром на их крохотной и пока съемной кухне), так вот, когда вышли на улицу, даже застали этот умопомрачительно-молочный краковский туман, в котором тонет все на расстоянии метра от тебя. И такое ощущение возникает, что сейчас выползет из-за угла великолепный вавельский дракон, и спросит, стесняясь: ребята, а замок в какой стороне? И ему молча покажут направление, и никто и

ухом не поведет – ну подумаешь, заблудился! Ничего удивительного в таком тумане. А в какой-то момент Майка оставила маму с Нютой в кафе и тоже вышла в молочное марево – по телефону поговорить. Разговор не простой, о будущей работе, об условиях и деньгах, не на родном языке, который она знает пока даже хуже Нютки (репетитора ей, ага!), и надо вслушиваться в каждое слово, и переводить его мысленно. И сама не заметила, пока говорила, как отошла, спрятавшись в кокон своей шляпы, совсем в сторону, почти на другую улицу, и присела на какой-то ящик. А когда закончила и подняла голову, чтобы оглядеться, ничего у нее не получилось. Ибо прямо над ней, на расстоянии метра, стоял он. Она совсем не отразила, как он сдал и постарел, не увидела морщин, седины, общей грузности фигуры. А только – глаза его затягивающие, такие снова невозможно родные: «Ну здравствуй, шляпа моя Ташкентская». И остается только рот себе двумя руками зажимать, чтобы не начать орать на всю улицу, как потерпевшая: «Владек, Владек, Владек!»

... в цветах из мешковины

Ну почему, почему ты? Почему именно ты, такой случайный и вечно далекий? Почему именно с тобой сошлась эта химия и физика, зачем, для чего? Почему ни один из других случайных или, наоборот, очень выверенных любовников не вызывал такого ощущения полноты совпадения? И бывает ли такое с другими людьми? И если бывает, то случается ли,

что люди с такой же аномалией женятся, рожают детей, всю жизнь прорастают друг в друга? И почему у нас-то с тобой даже речи об этом не шло, как будто всегда подразумевалось, что не будет этого, не нужно? Подразумевалось ли, или оба мы думали, что подразумевается? Ну что за путаница, глупая ересь, которую надо было проговорить давным-давно! Или не надо? Может, если таким, как мы, навсегда остаться вместе, уйдет это чувство? Может быть, оно живет, только если вместе не быть? Хотя знаешь, если выбирать между тем, как было у нас, и тем, что всего этого могло бы просто не быть, вообще не быть, и я не знала бы, что так бывает, я выбрала бы первое. Хотя бы так. Но почему я всегда так легко отмахивалась от этих мыслей, а сейчас не могу? И почему не могу сказать всего этого тебе?

А ты мне только что все это сказала.

– Как ты здесь?

– А это важно?

– Да нет.

– Не беспокойся, я сейчас в аэропорт.

– Хорошо.

– Навсегда.

– Да.

– Навсегда!

– Я выброшу чертову шляпу. Пусть сегодня все наконец-то кончится.

Хотя не выбросила. Матеуша, или кто он там, пожалела.

Отдала Нютке, сказала – все, чтоб я ее больше не видела. А Нютка... да просто забыла, она же не знает всей предыстории. И братья-реквизиторы забыли напомнить, оба. Бывает. А когда Нютка обнаружила ее у себя среди всякого ненужного хлама, снова рука не поднялась отправить в мусорное ведро, и молча забросила страдальицу к маме на шкаф, за чемоданы. Куда Майка сама никогда больше и не лазила.

Нютка

Кажется, она тогда искала босоножки – у них же с мамой один размер. Точно помнила, где-то есть такая молочного цвета пара, которая ну прям идеально подойдет к платью, и на Элькиной свадьбе в Москве все помрут от зависти, включая саму Эльку, любимую подружку с детства, и ее придурочную мамашку. Вообще-то лазить по чужим шкафам нехорошо, но Нютке ж надо было срочно! Она позвонила маме – ну ты когда уже придешь??? А мама как всегда безошибочно догадалась, что она хочет, и сказала: ну ты там пошарься сама, без меня, знаешь же примерно, где они должны быть. И потрясающе неуклюжая, и в этом вся в мать, Нютка, конечно, так пошарилась, что вывалила на себя чуть ли не весь шкаф. И вот тогда откуда-то сверху спланировала она – огромная, пыльная, выцветшая, бабушкиной рукой украшенная этими цветищами из мешковины, но все еще такая прекрасная – шляпа. Ааааах, – медленно вдохнула, забыла выдохнуть и осела на мамину кровать. И секунд через

двадцать все-таки на выходе так, как в детстве, прошептала:
хляяяяпа...

Ксения Черникова

8 909 665 47 50

vechernikova@mail.ru

В оформлении обложки использовано фото автора